

Раиса Антоновна Кукина:

Я родилась в 1932 году в Архангельской области. Через три года папа и мама перебрались в город Мончегорск Мурманской области – работать, а я осталась с бабушкой. К родителям она меня отвезла, когда пришло время учиться в школе. Шел 1940-й год...

В то время Мончегорск был очень перспективным городом. Родители сначала работали на разработках ценных руд, а потом строили комбинат «Североникель» по производству никеля и других цветных металлов. Отец был такелажник, он занимался монтажом и демонтажем оборудования. Мама устроилась поваром. Я приехала к ним, когда они уже получили квартиру в двухсемейном коттедже. Так я оказалась на севере.

Сначала было непривычно. Помню, как мы ходили гулять в парк, и нас мучили комары. Чтобы защититься, надевали что-то вроде намордника. Погода всегда холодная - все лето можно было проходить в демисезонном пальто. Только один год выдался таким жарким, что дети купались в озере. Но самое удивительное и необыкновенное зрелище – это северное сияние. Я наблюдала его много раз. Это такая красота! Переливы, цвета меняются, все это движется прямо на глазах. Невозможно оторваться...

Школа, правда, была далеко от дома – каждый день по четыре километра пешком. Сначала родители провожали, а потом ходила самостоятельно. Скоро привыкла, мне нравились эти прогулки.

В 1941-м, когда началась война, я закончила первый класс. Мончегорск находился в 80 километрах от границы с Финляндией - союзницей Германии. Комбинат давал очень ценную для страны продукцию. Поэтому почти сразу вышло распоряжение эвакуировать его и все население нашего города в Норильск. Единственный доступный транспортный путь туда пролегал по воде – сначала по морю, потом по реке. Нас торопили, чтобы успеть добраться до заморозков. Оборудование, которое не могли взять с собой, топили в озерах, закапывали в землю – чтобы не досталось врагу. Готовилась к эвакуации и наша семья. Затем стало известно, что в городе оставляют самых нужных работников, к числу которых отнесли и моих родителей. Папу даже освободили от армии, хотя он ходил на призывной пункт, и у него был собран вещевой мешок. Я помню, как он меня посадил на колени и сказал, что у меня в платье защиты денежки на всякий случай. Мы с мамой плакали и провожали его. А через какое-то время вдруг он вернулся и сказал: «Мне дали бронь».

После эвакуации большей части населения в городе осталось очень мало людей. Нам пришлось бросить коттедж, в котором мы жили, и перебраться в центр города – поближе к работе, столовой, магазину. Родители нашли какой-то сарай и решили приспособить его под жилье до начала зимы. Сарай был с печкой и односкатной крышей. Поскольку сначала мы не знали, что нас оставят, и готовились к эвакуации, животных, которых мы держали – коз, кур – пришлось забить. Пожалели только одного маленького козленочка. Потом это была наша единственная радость – мы жили вместе, под одной крышей. И я с ним играла. Он прыгал с места на место, развлекал нас.

В городе был клуб металлургов, и там висел репродуктор. Мы специально ходили туда послушать новости и всегда знали, где идут успешные бои, а где отступление – были в курсе всего.

Работала единственная столовая, в которую нам давали талоны. Остался в памяти горький день, когда я, получив суп, столько положила в него горчицы, ещё не зная, что это такое, что блюдо стало несъедобным. Это была для меня такая трагедия...

Случались налеты. Прятались, кто где. А потом ходили смотреть на разрушения. Хорошо помню, как однажды раскопали неразорвавшуюся бомбу. Она была такая большая, что обхватить её одному человеку не хватило бы рук. Её поместили в клуб металлургов как свидетельство того, каким ударам подвергался город. Не скажу, что налеты были частыми, тем не менее, пострадавшие на заводе корпуса были. Отдельные цеха вообще исчезали. Потом это все восстановили.

Школа работала, хотя в нашем классе было всего семь человек – из семей, оставшихся в опустевшем городе. Я была пионеркой, но не такой активной, как некоторые мои одноклассницы. С одной из них я общаюсь до сих пор. Когда в наших краях стали открываться госпитали – раненых привозили из Мурманска, потому что там негде уже было их размещать, да и из других мест – она чаще всех ходила туда, помогала. Даже награду получила – медаль.

Год спустя в классе было уже 18 человек, потому что многие возвращались из эвакуации. И в наш сарай вернулась хозяйка. Отец заплатил ей деньги, и сарай стал нашей собственностью. Отец переделал его односкатную крышу в двускатную, и он стал похож на дом.

Линия фронта отодвинулась на запад, и завод сочли возможным восстановить. Потребовалась рабочая сила. Люди стали возвращаться. Как

раз открылась навигация. А после снятия блокады стала работать дорога от Ленинграда до Мурманска. Снабжение сразу улучшилось. Спрятанное перед эвакуацией оборудование стали откапывать, доставать, восстанавливать. В итоге завод заработал ещё во время войны...